

УДК 159:331

DOI: 10.22213/2618-9763-2021-3-84-89

А. В. Пилушенко, кандидат философских наук, доцент

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия

ПРОБЛЕМА БЕЗОБРАЗНОГО В КОНТЕКСТЕ ПЕРСОНИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Процесс персонификации сопровождает человека на протяжении всей его жизни в напряженном конфликте между индивидуально-особенными внутренними потребностями личности и социально-общими требованиями внешней действительности. Социокультурная среда во многом определяет направление, возможности и содержание персонификации человека, формируя паттерн личностного становления и самоопределения, выступая одновременно подавляющим, сдерживающим и структурирующим началом. Статья посвящена проблеме безобразного как универсальной философской категории, отражающей в себе негативное культурное и эстетическое содержание. Раскрыто значение безобразного в персонификации человека как элемента протеста против классических требований этики и эстетики в ответ на давящие общественные механизмы воспроизводства «предсказуемых» индивидов. Обоснована тесная связь культурных и эстетических предпочтений человека с содержанием его личностной уникальности.

Рассматриваются социальные и духовные предпосылки обращения к безобразному как инструменту персонификации человека, в том числе с позиций постструктурализма и постмодернизма. Предложенная в статье типология безобразного как социокультурного феномена может быть использована в дальнейшей теоретической разработке проблемы персонификации. В статье рассматриваются субъективные и объективные аспекты персонификации личности, показана роль социокультурной среды как объективного аспекта личной персонификации. Субъективные аспекты персонификации исследованы в двух направлениях – субъективного предвосхищения объективной самоидентичности (мнимая персонификация, вызванная внешними причинами) и персонификация как требование сохранения пространства для собственной личности, выражению творческого уникального начала в самом процессе жизнедеятельности (внутренняя потребность в персонификации).

Ключевые слова: индивид; личность; безобразное; прекрасное; персонификация; проблема самоопределения.

Введение

Проблема персонификации человека становится все более актуальной со всевозрастающей социальной нагрузкой, характерной для современного общества: обилие социальных ролей и функций современных людей, зависимое положение их успешности от продуктивности социальных отношений все более подавляют свободное самоопределение. Как-то легкомысленно и автоматически повсеместно клишируется наиболее популярный образ мыслей, образ поведения, образ жизни в целом. Приторно одинаковые духовные, этические и эстетические ценности и идеалы фактически истребляют персонификацию как социальное явление. Смещение фокуса на внешний мир при попытке «самоопределения» человека отмечал еще Э. Фромм, связывая это явление с «побочными эффектами» капитализма. Его концепция капиталистического человека как «вещи» на рынке личностей ярко характеризуется положением: «Человеческие качества, такие, как дружелюбие, обходительность, доброта, превращаются в товары, в ценные атрибуты „личностного набора“, способствующие получению более высокой цены на рынке личностей» [1, с. 125].

В концепции человеческого самоопределения Ж. Лакана весь внешний мир, как «лично-стнообразующий» ресурс заменяется понятием «Другой»: «Субъект создает себя по образу и подобию Другого. Я – Другой даже по отношению к себе» [2, с. 76].

«Другой» Ж. Лакана выступает единственным источником персонификации, нечто такое, без чего человек не знает, кто он такой, как ему жить, как он хочет жить и кем он хочет быть. Вводя понятие символической идентификации, Ж. Лакан сводит содержание персонификации к совокупности символов, конструирующих человеческую «личность», наделяя ее неустойчивым и отчасти трансцендентным характером. Развивая идеи Ж. Лакана, С. Жижек пишет: «Упреждающая идентификация здесь является чем-то вроде предупредительной забастовки, попыткой заранее обеспечить ответ на вопрос „что я есть для Другого“, и таким образом снизить тревогу, связанную с желанием Другого: означающее, представляющее меня в Другом, разрешает проблему „что есть я как объект для Другого“. Поэтому то, что я в действительности опережаю посредством символической идентификации таково, что оно всегда есть „бегство

вперед“ – прочь от объекта, которым я являюсь» [3, с. 214].

Проблема, поднимаемая указанными выше авторами, ставит нас перед вопросом поиска ресурсов продуктивной персонификации человека, истинным поиском его личности, его уникальности, того творческого начала, которое так стремительно подавляется социокультурной средой. На наш взгляд, первым шагом к такому повороту «от внешнего к внутреннему» является сознательный отказ от ориентации на общественные ожидания, на голос и желания «Другого». Одним из популярных на сегодняшний день решений на пути к реализации этой цели является обращение к безобразному как протест против игры на общественные ожидания, как разрыв отношений с «Другим» в процессе персонификации.

Понятие и проблема персонификации: объективный и субъективный аспекты

Под персонификацией, согласно исследованиям А. Б. Орлова, мы понимаем способность осознать свою уникальность, самобытность, индивидуальность – собственную подлинную сущность, стремление к сохранению внутреннего Я (быть, оставаться самим собой), понимание самоценности, вера в себя [4, с. 54].

Проблема персонификации связана с тем, что личность, активно погруженная в социальные отношения и социокультурную среду, имея свою уникальное содержание, тем не менее оказывается сильно зависима от социокультурных условий существования – объективного аспекта личной самоидентификации. Так задаются предпочтительные ориентиры развития личности, цели ее жизнедеятельности, смысл существования. Любые, даже наиболее уникальные, качества и черты человека не могут быть проявлены вне социальных отношений и предметного мира, выступающими объективным полем приложения его способностей.

С. Жижек писал: «В пространстве символической интерсубъективности я никогда не могу просто установить, чем я являюсь, поэтому моя „объективная“ социальная идентичность устанавливается посредством „субъективной“ антиципации» [5, с. 117]. То есть любое качество человеческой личности исходит из субъективного предвосхищения объективной самоидентичности, т. е. того, как я желаю восприниматься обществом и отдельными его элементами. Такое подыгрывание общественным ожиданием начинается с раннего детства, именно на это нацелен весь процесс воспитания – погрузить

человека в мир ожиданий и ограничить его свободы с целью сохранения продуктивности социальных отношений. Более того, любое суждение человека о мире или отношении человека к миру не может быть построено вне этого объективно существующего мира. Так культура воссоздает наиболее подходящего и удобного индивида, готового к комфортному и продуктивному социальному взаимодействию. Культура есть то, что отличает цивилизованное человеческое общество от досознательного его состояния, и, безусловно, без культуры человеческого общества не было бы, однако, как утверждал З. Фрейд: «Примечательно, что, как бы мало ни были способны люди к изолированному существованию, они, тем не менее, ощущают жертвы, требуемые от них культурой ради возможности совместной жизни, как гнетущий груз» [6, с. 167].

Обратимся теперь к субъективному уровню персонификации и предпосылкам появления чувства потребности в самоидентификации личности, те самые «жертвы», ощущаемые как «гнетущий груз». На субъективном уровне бытия ощущается устойчивая потребность человека в сохранении пространства для собственной личности, выражении творческого уникального начала в самом процессе жизнедеятельности. Несмотря на то что продуктивных социальных отношений не может быть без ограничений культуры (устремляющих человека к конформизму, потерю персонификации), они также невозможны без уникального ядра личности, особых черт характера, наделяющих обладателя индивидуальных человеческим капиталом.

Обращаясь к личному экзистенциальному аспекту существования человека, стоит отметить выраженный примат субъективной реальности над объективно-общественной. С. Кьеркегор писал: «Путь объективной рефлексии превращает субъекта в нечто случайное и тем самым превращает экзистенцию в нечто безразличное, исчезающее. Путь к объективной истине уводит от субъекта, и по мере того, как субъект и субъективность становятся безразличными, истина тоже становится безразличной, и это как раз и называется ее объективной значимостью, ибо интерес, так же, как и решение, есть нечто субъективное. Путь объективной рефлексии ведет к абстрактному мышлению, к математике, к разного рода теоретическому знанию, он постоянно уводит от объекта, „быть“ или „не быть“ <...>, и это объективно совершенно правильно, ибо „быть“ или „не быть“ имеют, как говорил Гамлет, „только субъективное значение“»

[7, с. 184]. Здесь мы видим, что несмотря на всю важность общественных отношений для становления и существования человеческой личности, в конце концов, она обращена на себя и без определенного пространства для собственной индивидуальной уникальности существовать не может.

Проблема соотношения прекрасного и безобразного

Безобразное как универсальная философская категория имеет довольно широкий круг определений, однако все они в целом характеризуют безобразное как нечто негативное в культурном и эстетическом содержании.

Исторически категория «безобразное» была введена в эстетику для обозначения негативных эстетических переживаний как антоним прекрасного, однако еще со времен Сократа традиция наделять эстетические категории этическим содержанием (прекрасное = нравственность) [8] существенно расширила применимость данной категории как общекультурной. Обратимся к рассмотрению связи между отдельным эстетическим и общим духовным началом в человеке.

Искусство как важная составляющая духовной культуры общества всегда опиралось на эстетическое начало в человеке, т. е. его впечатления и чувственные переживания о прекрасном. В этом смысле искусство во все времена отражало духовные ценности общества, впитывало в себя дух и культуру эпохи, чутко реагировало на все культурные изменения в общественной жизни.

В свою очередь, искусство позволяет человеку вырываться за грани будничной повседневности: эстетическое переживание человека, а именно это являет своей целью искусство, адресовано к эмоциональной составляющей личности и лишено обыденности. «Прекрасное» как главная категория эстетики тесно связана с чувством исключительности, редкости, необычности, это то, что находится за пределами обыденности и повседневности, в общем и есть то, что является причиной появления эмоций и переживаний.

Прекрасное – категория абстрактная, а обилие подходов к ее пониманию существенно расширяет ее содержание, делая тем самым ее все более субъективной: прекрасное как нравственное у Сократа [9] или прекрасное как грани безобразного у Л. Да Винчи¹.

Вообще, категории прекрасного и безобразного, как две базовые категории эстетики, явля-

ясь диалектическими противоположностями, в свою очередь, имеют тесную взаимосвязь. *Во-первых*, одну невозможно определить без другой: ни разу не столкнувшись с негативными переживаниями от безобразного, человек, вероятнее всего, не сможет осознать красоту прекрасного. И эта красота не сможет быть так ярко эмоционально отражена без негативных переживаний относительно безобразного. В этом смысле безобразное проявляет прекрасное, делая его более оформленным, ясным и ценным.

С другой стороны, безобразное определяется как противоположность прекрасного, и без прекрасного, в свою очередь, невозможно осознать безобразное, т. е. если прекрасное определено и оформлено, отхождения от этого эстетического эталона и будут формировать облик безобразного. Здесь мы видим тесную взаимосвязь двух категорий эстетики: прекрасное – выражающее позитивную эстетическую ценность, и безобразное – выражающее негативную эстетическую ценность.

В свою очередь, прекрасное и безобразное – категории динамичные, и их содержание имеет существенные отличия от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от человека к человеку. Так, например, прекрасное Средневековой эпохи является совершенно неприемлемым для эпохи Возрождения – либо эстетически нейтральным, либо эстетически негативным, т. е. «безобразным». Так и складывается развитие искусства в исторической ретроспективе: одни эстетические идеалы сменяют другие, «прекрасное» становится «безобразным» и наоборот.

Почему такое случается? И есть ли абсолютный эстетический идеал, который вне времени будет одинаково прекрасным?

Говоря об искусстве, как главной форме духовной культуры, отражающей эстетические общественные идеалы, мы также можем проследить регулярную смену эстетических ценностей, что подтверждает идею о том, что прекрасное – категория зыбкая и регулярно меняющаяся.

Мы уже говорили о том, что эстетическая значимость есть там, где есть ощущение исключительности, то, чем обладает ограниченное число объектов, то, что не может «намозолить» глаз. Любые новые эстетические идеалы в искусстве со временем приедаются и становятся слишком обыденными, привычными, т. е. тем, что уже не обладает исключительностью и не вызывает эстетически позитивных переживаний. Наступает время формирования нового

¹ Горфункель Александр Хаимович. Философия эпохи Возрождения : учеб. пособие / А. Х. Горфункель. Москва : Высшая школа, 1980. 368 с.

«прекрасного», и здесь выбор художников, скульпторов, архитекторов, поэтов, писателей может упасть либо на прежде эстетически нейтральные объекты, либо на эстетически негативные. Так прежнее «безобразное» может стать новым «прекрасным».

Безобразное – это протест против ставшей уже классической красоты, надоевшей и приторной. Именно оно в момент появления нового искусства и вызывает новые эмоции и новые эстетические переживания, т. е. заставляет искусство выполнять свою функцию, но уже в конфликте с предыдущими ценностями. В это переходное время и появляется данный конфликт между старыми и новыми ценностями, и, соответственно, разные части общества по-разному реагируют на оформление этих новых ценностей, кто-то считает это новым прекрасным, а кто-то – более традиционным и исходит из старых представлений о прекрасном.

По таким же законам происходит смена культурных и философских парадигм, устанавливающих основные социальные правила и законы.

Безобразное как социокультурный феномен

Во все времена человек был ориентирован на строгую внешнюю регламентацию собственной деятельности: со стороны государства, в виде законов, со стороны церкви, в виде заповедей и предписаний, со стороны общества в виде морали и этических норм. Либеральные ценности современного мира существенно видоизменили ориентиры человеческой деятельности. Были сломлены или пересмотрены базовые ценности человеческой деятельности, в том числе в принципиальном вопросе – наличия регламентов в поведении человека.

Либералисты требовали обеспечения свободы человека как онтологической естественной категории и важнейшего права, что отражалось в том, чтобы обеспечить свободу человеческой деятельности: от научного творчества, в том числе уничтожая текущие научные парадигмы (например, концепция методологического анархизма), до отрицания каких-либо ориентиров и регламентов в области искусства и социальных отношений.

Данная ситуация проявилась отказом от прекрасного, как эстетического идеала, т. к. само по себе его существование обозначало бы негласный регламент. В этом смысле современное искусство не могло выбрать в качестве ориентира прекрасное – это резко контрастировало бы с новыми ценностями глобального мира. Потому что прекрасное – это структура, рамка, алго-

ритм, «разрешенная красота», «легальная нравственность».

В данной ситуации безобразное – стало обладать важнейшей эстетической ценностью, что отражало бунтующее настроение в современном искусстве [10]. Из области искусства безобразное перешло и в область социальных отношений – «запрещать запрещается» стало главным правилом постмодернизма, идеологической и мировоззренческой основой глобального мира.

Современное искусство и постмодернистская культура в целом ориентированы на слом классических представлений этики и эстетики, где главное правило – отсутствие правил. Это категорический ответ интеллигенции и деятелей искусства на регламентацию их творческой деятельности и протест против этой регламентации, как внешней – со стороны общественных ожиданий, так и изнутри, со стороны собственного сознания, постоянно опирающуюся на структуру «нормальности», т. е. тех представлений, которые направляют человека на «нормальный» и предсказуемый результат, даже в области творчества и искусства.

Постепенно такая ориентация стала частью массового сознания, распространившись на различные области социальной реальности: политику, институт семьи, гендерную этику, культуру, духовные ценности. В призме социальных отношений безобразное выступает символом отказа от подчинения лакановскому «Другому», важным условием персонификации в современном мире.

Осмысливая особенности выражения всех направлений философии постмодернизма, мы можем отметить культ необычности, непривычного изображения эстетического идеала, присутствие безобразного как средства выражения нового искусства, символизм, символический протест и знаковость: все то, что явилось следствием мировоззренческого кризиса современного общества.

Почему именно безобразное выступает инструментом демонстрации такого мировоззренческого кризиса? *Во-первых*, любой протест или противостояние, в особенности противостояние довлеющим над личностью социальным ожиданиям, разрыв отношений с «Другим», которые так настойчиво определяли облик личной самоидентификации – это отнюдь не мягкое разрешение внутриличностного конфликта, требующего пространства для «Я» и стонующего у порога персонификации. Безобразное шокирует, привлекает внимание, обеспечивает впечатления.

Во-вторых, безобразное как категория весьма субъективная есть скорее факт внутренней свободы, нежели истинно негативная сущность. Это решительная готовность отойти от правил и регламентов, внутренне сдерживающих личность, сломать все старые связи и выстроить свою личность на основании своего самоощущения и мировоззрения, чувствования и желания, смело посмотреть реальности в лицо.

Выводы

Проблема безобразного есть особый способ разрыва зависимости человеческой личности от стесняющих его свободы общественных ожиданий, порождаемых человеческой культурой. Это своего рода «антиутопия», позволяющая отдельному человеку и обществу в целом по-новому посмотреть на многие привычные вещи, расширить мировосприятие, критически переосмыслить содержание многих материальных и духовных вещей, и сегодня именно «безобразное» стало тем необходимым инструментом в обеспечении такого социального эффекта. В современных социокультурных условиях безобразное становится важным инструментом персонификации личности, поскольку обеспечивает ее свободу и разрыв зависимости от социальных предпочтений.

В этом смысле само понятие «безобразное» трактуется как слом рамок, структур и ограничений, уход от них, а не как негативный этический и эстетический опыт. Скорее, как непредсказуемый, неожиданный. Именно так и обеспечивается личностная свобода – дать обществу то, что оно не ожидало и что не планировало получить. Именно так и происходит персонификация – осознание собственной личности, самопознание, не обращенное к «Другому».

Библиографические ссылки

1. Фромм Э. Здоровое общество. Москва : АСТ, 2020. 550 с.
2. Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). Москва : Гнозис ; Логос, 1999. 340 с.
3. Жижек С. «Накануне господина: сотрясая рамки» / пер. с англ. Москва : Европа, 2014. 450 с.
4. Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. Москва : Академия, 2002. 300 с.

5. Жижек С. Указ. соч.
6. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Москва : АСТ, 2011. 251 с.
7. Kierkegaard S. Gessammelte Werke. Abt. 16, Teil. 1. Dusseldorf-Koln, 1957. S. 184.
8. Протопопова И. А. «Сократический вопрос»: старые проблемы и новые тенденции // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, № 1. С. 330–338. ISSN 1995-4336. doi:10.25205/1995-4328-2019-13-1-330-338
9. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 2. Москва : Искусство, 1969. 230 с.
10. Klubnichkina D. A. Lexical representation of the concepts opposition “beautiful – ugly” in English and Russian language cultures // Russian linguistic Bulletin. 2020. № 2 (22). С. 105–110.

References

1. Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo* [Healthy society]. Moscow, AST Publ., 2020. 550 p. (in Russ.)
2. Lakan Z. H. *Seminary. Kniga 2: “YA” v teorii Frejda i v tekhnike psihoanaliza (1954/55)* [Seminars. Book 2: “I” in the theory of Freud and in the technique of psychoanalysis (1954/55)]. Moscow, Gnosis Publ., Logos Publ., 1999. 340 p. (in Russ.)
3. ZHizhek S. “*Nakanune gospodina: sotryasaya ramki*” [“On the Eve of the Master: Shaking the Frame.” Translation from English]. Moscow, Evropa, 2014, 450 p. (in Russ.)
4. Orlov A. B. *Psihologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigmy, proekcii, praktiki* [Psychology of personality and human essence: paradigms, projections, practices]. Moscow, Academy Publ., 2002, 300 p. (in Russ.)
5. ZHizhek S. “*Nakanune gospodina: sotryasaya ramki*” [“On the Eve of the Master: Shaking the Frame.” Translation from English]. Moscow, Evropa, 2014, 450 p. (in Russ.)
6. Frejd Z. *Budushhee odnoj illjuzii* [The future of one illusion]. Moscow, AST Publ., 2011, 251 p.
7. Kierkegaard S. Gessammelte Werke. Abt. 16, Teil. 1. Dusseldorf-Koln, 1957. S. 184.
8. Protopopova I. A. [“Socratic question”: old problems and new trends]. *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaja tradicija*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 330-338. ISSN 1995-4336. doi:10.25205/1995-4328-2019-13-1-330-338 (in Russ.).
9. Losev A. F. *Istoriya antichnoj estetiki, tom 2* [History of ancient aesthetics. Volume. 2]. Moscow, Art Publ., 1969. 230 p. (in Russ.).
10. Klubnichkina D. A. [Lexical representation of the concepts opposition “beautiful – ugly” in English and Russian language cultures]. *Russian linguistic Bulletin*, 2020, no. 2 (22), pp. 105–110.

A. V. Pilyushenko, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

THE PROBLEM OF THE UGLY IN THE CONTEXT OF HUMAN PERSONIFICATION IN THE MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE

The process of personification accompanies a person throughout his life in a tense conflict between the individual-special internal needs of the individual and the socio-general requirements of external reality. The socio-cultural environment largely determines the direction, possibilities and content of a person's personification, forming a pattern of personal formation and self-determination, acting at the same time as an overwhelming, constraining and structuring principle. The article is devoted to the problem of the ugly as a universal philosophical category reflecting negative cultural and aesthetic content. The author reveals the meaning of the ugly in the personification of a person as an element of protest against the classical requirements of ethics and aesthetics, in response to the oppressive social mechanisms of reproduction of "predictable" individuals. The close connection of a person's cultural and aesthetic preferences with the content of his personal uniqueness is substantiated.

The article examines the social and spiritual prerequisites for turning to the ugly as an instrument of personification of a person, including from the positions of poststructuralism and postmodernism. The typology of the ugly as a socio-cultural phenomenon proposed in the article can be used in further theoretical development of the problem of personification.

Keywords: individual, personality, ugly, beautiful, personification, the problem of self-determination.

Получено: 13.09.2021

Образец цитирования

Пилушенко А. В. Проблема безобразного в контексте персонификации человека в современном социокультурном пространстве // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2021. № 3 (46). С. 84–89. DOI: 10.22213/2618-9763-2021-3-84-89.

For Citation

Pilyushenko A. V. [The Problem of the Ugly in the Context of Human Personification in the Modern Socio-Cultural Space]. *Social'no-jekonomicheskoe upravlenie: teorija i praktika*, 2021, no. 3 (46), pp. 84-89 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2021-3-84-89.